

УДК 81'42: 81'27

ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ АРГОТИЗАЦИИ (ЖАРГОНИЗАЦИИ) РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ: СТРУКТУРА И ДИНАМИКА

Наталья Владимировна Хорошева

к. филол. н., доцент, зав. кафедрой романской филологии

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Пермь ул. Букирева, 15. romanphil@rambler.ru

Представлены результаты исследования экстралингвистических факторов, релевантных для формирования в русском и французском субстандарте промежуточных идиомов как продукта арготизации (жаргонизации) современной разговорной речи. Совокупность экстралингвистических факторов рассматривается как структура, состоящая из трех уровней, от общего к частному. Прослеживается их динамика в социолингвистическом контексте новейшей истории – вторая половина XX в. – начало XXI в. Верхний уровень представлен наиболее общими социальными тенденциями, детерминирующими языковую ситуацию Франции и России данного периода: урбанизацией образа жизни, установлением относительного единообразия социальных норм и стереотипов, влиянием массовой культуры и средств массовой информации и т.п. Далее рассматриваются факторы, релевантные для интенсификации внутриязыковых функциональных сдвигов, – изменение общественного отношения к литературной норме, переориентация языкового сознания на новые оценочные ориентиры. Наконец, принимаются во внимание особенности функционирования промежуточных субстандартных идиомов в русском и во французском языках. Автор приходит к выводу о том, что оппозиции, релевантные для изучаемого круга экстралингвистических факторов в разных языковых ситуациях, имеют градуальный, а не привативный характер, т. е. различаются по степени выраженности, а не по наличию / отсутствию.

Ключевые слова: социолингвистика; субстандарт; экстралингвистические факторы; языковая ситуация; общее арго; общий жаргон.

Язык, как известно, принадлежит к типу объектов, зависящих от окружения, а потому коррелирует с существенными для него факторами среды. Перед нами стояла задача вычленив из континуума объективной реальности те экстралингвистические факторы, которые были релевантными для формирования в русском и французском языках промежуточных идиомов субстандарта. Под последними мы имеем в виду языковые подсистемы, которые формируются при взаимодействии различных арго и во жаргонах с городской разговорной речью и активно функционируют в зоне «олитературивания». Во французском языке этот идиом уже давно получил название «общего арго», в русском языке в последние десятилетия ученые также констатируют образование «общего жаргона», получившего широкое распространение во многих коммуникативных сферах. В целом эта тенденция соответствует контексту общего сближения ли-

тературных и нелитературных сфер в большинстве современных языков.

Экстралингвистические факторы, существенные для взаимодействия литературной речи и жаргонов / арго, в научной литературе описывались чаще всего в самом общем виде и при этом специально не структурировались. В данной статье совокупность экстралингвистических факторов рассматривается как система, состоящая из трех уровней. За основу выделения уровней взят принцип от общего к частному: от самых общих социальных тенденций (I уровень) – к факторам, релевантным для интенсификации внутриязыковых функциональных сдвигов (II уровень), и, наконец, – к основным функциям промежуточных идиомов субстандарта (III уровень). Рассматривался социолингвистический контекст новейшей истории – второй половины XX в. – начала XXI в.

При рассмотрении систем экстралингвистических факторов русской и французской языковой

ситуации уже в первом приближении обнаруживается, что они имеют некоторые сходные признаки, своего рода общий знаменатель. Однако степень выраженности и характер проявления этих признаков различны. В связи с этим можно говорить о градуальном, а не привативном характере оппозиций, релевантных для изучаемого круга экстралингвистических факторов (см. подробнее: [Крысин 1989, 1994; Коган 1990; Франция ... 1990; Чекалина 1991; Baylon 1991; Calvet 1994; Cathelat 1985; Jucquois 1991] и др.).

К таким общим характеристикам I уровня, т.е. относящимся к наиболее выраженным социальным тенденциям, наблюдаемым в двух странах за рассматриваемый период, можно отнести следующие.

1. Значительный отток сельского населения в города, урбанизированный образ жизни большинства жителей. Для современного общества прямая зависимость между урбанизацией, развитием городов, с одной стороны, и прогрессом общества – с другой, безусловна. При этом «в процессе урбанизации особую роль играют возникновение и развитие интегративных тенденций» [Коган 1990: 13], создающие предпосылки для нивелирования различий в сфере коммуникации. Однако важно, что при доле городского населения в России и Франции одного порядка (соответственно 72 и 77 %) степень влияния на городскую речь диалектного окружения в русском и французском языках различна, будучи значительнее в русском языке.

2. Постепенное сглаживание социальной дифференциации в обществе по сравнению с предшествующими историческими периодами; установление относительного единообразия социальных норм и стереотипов, а следовательно, и норм социально-речевого поведения. В России эта тенденция в известной мере прервалась в начале 90-х гг. ввиду социальных изменений, связанных со сменой политического режима.

3. Всеобщее среднее образование, а тем самым теоретически – значительное расширение круга носителей литературного языка. В реальности «перетасовка человеческого субстрата», о которой еще в 20-е гг. XX в. писал Е. Д. Поливанов [Поливанов 1968], фактически приводит к разному качеству владения литературной нормой, что создает основу для ее демократизации.

4. «Массовизация» современного общества, в котором продукты массовой культуры проникают во все сферы жизни, формируя единое семиотическое пространство и выступая как средство социальной адаптации человека.

5. Огромное влияние на общество научно-технической революции. Прежде всего, это тех-

ническое усовершенствование и интенсификация способов передачи информации; возрастание роли в обществе «четвертой власти» – средств массовой информации; появление и значительное усиление влияния новых аудиовизуальных средств в системе массовой коммуникации.

Совокупность данных социальных факторов самого общего характера создает предпосылки для изменения языковой ситуации – размывания границ между формами существования языка, расшатывания литературной нормы, интенсификации функционально-стилевых сдвигов, «разгерметизации» ранее закрытых идиомов, что приводит к появлению промежуточных языковых образований. По словам Д. Франсуа, такие промежуточные формы городской разговорной речи, подобные, например, французскому общему арго или английскому общему сленгу, «развиваются во многих языковых коллективах, всюду, где социолингвистическая эволюция создает благоприятные условия для известной унификации языкового поведения как в географическом, так и в социальном плане» [François 1973: 625].

Специфика российской языковой ситуации в значительной мере определяется глубинными изменениями в жизни российского общества во второй половине 80-х – 90-х гг. XX в., которые «по своему воздействию на общество и язык подобны революции» [Русский язык ... 1996: 12]: ломкой политического режима (отменой единопартийной системы и идеологического контроля); экономическими преобразованиями (сменой форм собственности, в том числе отменой государственной монополии на средства массовой информации); изменениями в социальной структуре общества; резкой криминализацией общества и т.д.

Во французском обществе в целом рассмотренная в данный период совокупность экстралингвистических факторов, напротив, остается относительно стабильной. Более того, «усиление консервативных настроений во французском обществе с середины 80-х гг. – факт, не вызывающий сомнений» [Франция... 1990: 167]. Однако ряд французских социологов пытается представить эту стабильность как результат противодействия разнонаправленных тенденций в обществе. Ученые подчеркивают тенденции к установлению относительного единообразия социального поведения, постепенному сглаживанию социального неравенства и описывают становление «массового общества» под воздействием средств массовой информации: «...у нас социальное разделение языков осложняется однородностью так называемой массовой культуры» [Барт 1994: 524]. Другие, напротив, настаивают на кризисе старого социального механизма, проблемах

меньшинств, разобщенности и утверждают, что общество находится на стадии рекомпозиции, поиска новых социальных ценностей [Baylon 1991: 17].

По всей видимости, можно говорить о наличии двух в известной мере взаимоисключающих когнитивных и мотивационных ценностных установок французского общественного сознания – с одной стороны, рационального консерватизма, а с другой – эгалитаристских, демократических ценностей, которые располагаются как бы на параллельных плоскостях, не подвергаясь какому-либо согласованию, а потому достаточно стабильны.

Вместе с тем на стирание граней между языком повседневным, некодифицированным, и литературным, строго нормативным, в речевом узусе влияют не только рассмотренные выше социально-демографические и социально-экономические факторы, но и факторы, которые можно отнести к сфере социальной психологии. Можно высказать предположение, что «пики» активной разгерметизации жаргонной / арготической лексики и ее выхода за пределы микросоциумов приходится на периоды наибольшей открытости общественного сознания к инновационным изменениям, усиления антиавторитарных устремлений в обществе и потребности в самовыражении личности.

Если в русском языке такие пики речевой активности пришлось соответственно на 10-е и 80–90-е гг. XX в. [Винокур 1989: 364; Елистратов 1995], то во Франции всплеск речевых инноваций арготического характера сопровождал культурно-психологические сдвиги, произошедшие в массовом сознании в 60–70-е гг. XX в. По словам Б. Катля, в это время «стрелка культурного компаса поворачивается на 180 градусов»: девальвация американизированных индустриально-технократических ценностей выливается в движение мая 1968 г., а в языковой сфере – в так называемую лингвистическую революцию [Cathelat 1985]. Одной из форм проявления протеста стало отрицание всех норм, в том числе и языковых, стремление обособиться в необычном речевом узусе. Основу этого особого узуса составили резко контрастные, по сравнению с литературно обработанным языком, сниженные лексические элементы, заимствованные из различных арго. Общее арго в значительной мере сохранило эти лексические элементы в узусе не только поколения событий 1968 г., но и более молодых поколений.

Среди социально-психологических стереотипов, характеризующих массовое сознание современных французов и в значительной мере опре-

деляющих их установки в отношении арго, выделяется чрезвычайно высокая оценка, которую имеет в общественном сознании признак «молодой» (*jeune*). Этот признак выступает центром ассоциативного поля, включающего такие качества, как здоровье, красота, динамизм, перспективность. Уже несколько десятилетий «jeunisme» глубоко пронизывает французскую массовую коммуникацию, интенсивно эксплуатируясь, например, в медиадискурсе и рекламе. В современном французском обществе получают высокую оценку практически все аспекты жизненного поведения данной социальной группы, выделяемой по возрастному признаку, в том числе и арго, свойственное речи молодых. Как следствие, «в коллективном языковом сознании произошла переоценка целого пласта слов, которые в недавнем прошлом сопровождались ореолом негативных коннотаций» [Чекалина 1991: 129].

II уровень системы экстралингвистических факторов, повлиявших на процессы арготизации (жаргонизации) современной разговорной речи, в известной мере детерминирован первым и включает факторы, обуславливающие усиление внутриязыковой интерференции, в том числе взаимовлияния социальных диалектов и разговорной речи.

Наиболее значительной общей чертой данного уровня в русском и во французском языках является переориентация языкового сознания в обществе на новые, иные, по сравнению с предшествующими периодами, ориентиры, оценочные образцы.

Так, сравнивая предшествующие десятилетия с новым временем, М. В. Панов пришел к следующему выводу: «В 30–60-е годы господствовало такое отношение к литературному языку: норма – это запрет. Норма категорически отделяет пригодное от недопустимого. Теперь отношение изменилось: норма – это выбор. Она советует взять из языка наиболее пригодное в данном контексте» [Панов 1988: 27]. Изменяется «языковой вкус эпохи», который характеризуется теперь «принципиальной ставкой на смещение, совмещение, сочленение любых единиц языка, на крайнюю неоднородность языковой формы, на гетерогенность каждого отдельного текста» [Костомаров 1999: 45].

Среди других составляющих данной тенденции в функционировании современного русского языка отмечается резкая смена активных участников массовой и публичной коммуникации; отмена официальной цензуры, провозглашение свободы слова и принципа гласности; возрастание личностного начала в речи; расширение сферы спонтанного общения не только личного, но и

устного публичного; стирание резкой границы между неофициальным личным общением и общением официальным публичным и др. [Караулов 1991; Костомаров 1999; Мустайоки 2013; Русский язык ... 1996]. Данные тенденции приводят, в числе прочих следствий, к жаргонизации не только личной неофициальной, но и публичной коммуникации (речь радио, телевидения, митингов, собраний), к формированию общего жаргона.

Вышеперечисленные факторы в полной мере применимы при описании изменений, произошедших в языковом сознании французов и повлиявших на действующие нормы и выбор языковых средств. Однако, в отличие от русского языка, где проявления тенденции к демократизации имели характер языковых инноваций в последние десятилетия, во французском языке действие этих экстралингвистических факторов скорее эволюционно, чем революционно, поскольку постепенная интенсификация их действия наблюдается начиная примерно с начала 60-х гг. XX в. За это время изменившиеся социально-коммуникативные условия повлекли утрату былой «монополии на престижность» литературно-книжных речевых форм. Т. Зэлдин следующим образом объясняет изменения в языковом сознании французов: «С французским языком было связано особое видение и изображение мира, предполагавшее гармонию, которой учились наслаждаться. Он был средством заговора, объединявшего тех, кто знал правила, и выделявшего их среди непосвященных. Ныне подобная элитарность невозможна. Отпечаток, который философия и литература наложили на развитие языка, теперь считается не соответствующим характеру всей нации, поскольку отражает лишь вкусы меньшинства. Язык как бы расслоился, и его “разновидности” требуют к себе равного с “настоящим” французским отношения и не признают превосходства стиля, принятого в правящих кругах» [Зэлдин 1989: 286–287].

В значительной мере это было вызвано сменой стилевой установки, произошедшей во французских средствах массовой коммуникации в 60-е гг. XX в. По свидетельству Е. М. Чекалиной, в это время «наблюдается переход на “сырой” материал, в текстах радиопередач начинает шире использоваться устная спонтанная речь. Печатная пресса дольше сохраняла приверженность традиционной манере изложения, однако усилившаяся конкуренция со стороны радио и телевидения в борьбе за аудиторию, влияние рекламы и политический кризис 1968 г. ускорили внедрение новой формы выражения» [Чекалина 1991: 30–31]. Под «новой формой вы-

ражения» понимается сознательная установка на разговорность, в том числе на использование стилистически сниженной лексики, просторечных, арготических элементов. Именно массовая коммуникация значительно способствовала вовлечению в активный речевой обиход многих языковых средств, находящихся далеко за границами языковой нормы, и стимулировала изменения в общественно-языковом сознании. Распространению данной тенденции во французском языке в 60–70-е гг. XX в. противостояла пуристская традиция в академическом французском языкознании. Однако многое из того, что решительно осуждалось, стало фактом коллективного языкового употребления и вошло в норму.

В результате широкого проникновения арго в языковую жизнь города «арго сейчас занимает в жизни французов и во французской литературе такое место, что каких-нибудь 50 лет тому назад это показалось бы невероятным, невозможным» [Rigaud 1971: 594] (см. также: [Calvet 1994; Goudaillier 2002 и др.]).

Наконец, III уровень в системе факторов, повлиявших на процессы арготизации (жаргонизации) современной разговорной речи, связан непосредственно с функциональным статусом промежуточных идиомов субстандарта – русско-общего жаргона и французского общего арго.

Общей чертой данного уровня является то, что и русский общий жаргон, и французское общее арго в своем функционировании актуализируют эмоционально-экспрессивную и прагматическую функции, поскольку изначально в семантике составляющих их единиц коннотативный компонент преобладает над денотативным.

Согласно языковой природе и функциональному статусу лексика общего жаргона / общего арго обычно функционирует в обиходно-разговорной речи. Однако при определенных условиях она может употребляться и в ситуациях, далеких от бытовых. При этом, по всей видимости, вариативность французской нормы неофициального общения имеет большую амплитуду, более гибкий характер, чем менее толерантная к ненормативной лексике соответствующая норма в русском языке. Мы исходим из представления о совокупности норм, об их многоаспектном существовании и варьировании в социально дифференцированной и функционально многомерной системе национального языка.

В современном русском языке с начала 90-х гг. XX в. также отмечается резкое увеличение разговорных элементов, в том числе и жаргонизмов, в публичном общении [Русский язык ... 1996: 13], что зачастую оборачивается неоправ-

данной вулгаризацией речи, вызывающей резко негативную реакцию в отношении жаргонной лексики вообще [Скворцов 1994]. В целом русский общий жаргон является социально непрестижным языковым образованием.

Во французском языке в последние десятилетия тенденция ко все большему распространению в речи общего арго усиливается под влиянием своеобразной языковой моды, выражающейся в чрезмерном употреблении многими носителями языка, в том числе и в элитарных кругах, арготизмов в качестве новых престижных стилистических «украшений». Арготизм зачастую становится мелиоративным эвфемистическим средством. Ж. Селлар назвал эту тенденцию в современном французском языке новым «кризисом жеманства» [Cellard 1979: 67], так как при нарушении чувства меры употребление арготизмов в мелиоративной функции часто перерождается в манерность и снобизм.

Таким образом, специфика функционирования общего арго во французском языке во многом обусловлена отношением к ней, сложившимся в национальном общественно-языковом сознании. Поскольку данное отношение не только представляет адекватную рефлексию объективных сдвигов в статусе арготической лексики за последние десятилетия, но и в известной мере подвержено влиянию языковой моды, то можно было бы говорить не столько о престижности французского общего арго, сколько о квазипрестижности. Квазипрестижность не подразумевает действительную смену «знаков полярности» в общественных ценностных установках (настоящей социальной престижностью обладает только кодифицированный литературный язык), а лишь свидетельствует об относительных сдвигах в общественном языковом сознании в направлении большей толерантности к массовому употреблению в речи экспрессивных арготизмов.

В целом, русский общий жаргон и французское общее арго имеют сходные сферы функционирования – преимущественно обиходно-бытовое общение, а также сферу массовой коммуникации и публичного общения, но вызывают разное отношение со стороны общественного языкового сознания (непрестижность в русском языке и квазипрестижность во французском языке).

Список литературы

Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / пер. с фр.; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Прогресс; Универс, 1994. 616 с.

Винокур Т. Г. Речевой портрет современного человека // Человек в системе наук / ред. И. Т. Фролов. М.: Наука, 1989. С. 361–369.

Елистратов В. С. Арго и культура. М.: Изд-во МГУ, 1995. 231 с.

Зэлдин Т. Все о французах / пер. с англ. С. Г. Ломидзе; авт. послесл. И. М. Бунин. М.: Прогресс, 1989. 440 с.

Караулов Ю. Н. О состоянии русского языка современности (Доклад на конференции «Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики»). М., 1991. С. 4–11.

Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи: из наблюдений за речевой практикой масс-медиа. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Златоуст, 1999. 280 с.

Коган Л. Б. Быть горожанами. М.: Мысль, 1990. 205 с.

Крысин Л. П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М.: Наука, 1989. 186 с.

Крысин Л. П. Социальный контекст функционирования современного русского языка // Язык в контексте общественного развития / под ред. В. М. Солнцева, В. Ю. Михальченко. М.: Ин-т языкознания РАН, 1994. С. 47–61.

Мустайоки А. Разновидности русского языка: анализ и классификация // Вопр. языкознания. 2013. №5. С. 3–27.

Панов М. В. Из наблюдений над стилем сегодняшней периодики // Язык современной публицистики: учеб. пособие / отв. ред. М. В. Шульга; Госкомиздат СССР. М., 1988. С. 4–27.

Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию / сост. А. А. Леонтьев. М.: Наука, 1968. 376 с.

Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М.: Языки рус. культуры, 1996. 480 с.

Скворцов Л. И. Что угрожает литературному языку? (размышления о состоянии современной речи) // Русский язык в школе. 1994. №5. С. 99–105.

Франция глазами французских социологов. М.: Наука, 1990. 280 с.

Чекалина Е. М. Язык современной французской прессы. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1991. 168 с.

Baylon C. Sociolinguistique : société, langue, discours. P.: Nathan, 1991. 303 p.

François D. Les argots // Le Langage: Encyclopédie de la Pléiade. P.: Gallimard, 1973. P. 620–645.

Calvet L.-J. Les voix de la ville: Introduction a la sociolinguistique urbaine. P.: Essais Payot, 1994. 309 p.

Cathelat B. Styles de vie. P.: Éd. d'Organisation, 1985. 162 p.

Cellard J. La vie du langage. P.: Le Robert, 1979. 529 p.

Goudaillier J.-P. De l'argot traditionnel au français contemporain des cités // La linguistique. 2002. Vol.38, №1. P. 5–24.

Jucquois G. La diversité linguistique européenne: Données politiques et économiques d'un aménagement linguistique // Linguistique. 1991. Vol. 27, №1. P. 29–58.

References

Bart R. Izbrannye raboty: Semiotika. Poehtika [Selected Works. Semiotics. Poetics]. Trans. by G.K. Kosikov. Moscow, Progress, Univers Publ., 1994. 616 p.

Baylon C. Sociolinguistique: société, langue, discours [Sociolinguistics: society, language, discourse]. P., Nathan Publ., 1991. 303 p.

Calvet L.-J. Les voix de la ville: Introduction à la sociolinguistique urbaine [Voices of the city: Introduction in urban sociolinguistics]. P., Essais Payot Publ., 1994. 309 p.

Cathelat B. Styles de vie [Styles of life]. P., Éd. d'Organisation Publ., 1985. 162 p.

Cellard J. La vie du langage [Language life]. P., Le Robert Publ., 1979. 529 p.

Chekalina E. M. Jazyk sovremennoj francuzskoj pressy [The Language of Media in Contemporary France]. Leningrad, Leningrad Univ. Publ., 1991. 168 p.

Elistratov V. S. Argo i kul'tura [Argot and culture]. Moscow, Moscow State Univ. Publ., 1995. 231 p.

Francija glazami francuzskikh sociologov [France through the eyes of French Sociologists]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 280 p.

François D. Les argots [Argots]. Le Langage: Encyclopédie de la Pléiade [The Language: Encyclopedia of Pleiad]. P., Gallimard Publ., 1973. P. 620–645.

Goudaillier J.-P. De l'argot traditionnel au français contemporain des cités [From Traditional Argot to the Modern French Language of the City]. La linguistique [Linguistics]. 2002. Vol. 38. No 1. P. 5–24.

Jucquois G. La diversité linguistique européenne: Données politiques et économiques d'un aménagement linguistique [European linguistic diversity: political and economic data for language planning]. Linguistique [Linguistics]. 1991. Vol. 27. No 1. P. 29–58.

Karaulov Ju. N. O sostojanii russkogo jazyka sovremennosti [Status of the Modern Russian Language]. (Doklad na konferencii «Russkij jazyk i

sovremennost'»). Problemy i perspektivy razvitija rusistiki») [«Russian Language and Modernity. Problems and prospects of Russian Studies» Conference report]. Moscow, 1991. P. 4–11.

Kogan L. B. Byt' gorozhanami [Being a citizen]. Moscow, Mysl' Publ., 1990. 205 p.

Kostomarov V. G. Jazykovoju vkus epochi: iz nabljudenij za rechevoj praktikoj mass-media [Linguistic taste of an epoch: observations on the mass-media speech practice]. St. Petersburg, Zlatoust Publ., 1999. 280 p.

Krysin L. P. Social'nyj kontekst funkcionirovanija sovremenogo russkogo jazyka [Social context in the modern Russian language]. Jazyk v kontekste obshhestvennogo razvitija [Language in the context of social development]. Ed. by V. M. Solncev, V. Ju. Mikhal'chenko. Moscow, Institute of Linguistics RAS Publ., 1994. P. 47–61.

Krysin L. P. Sociolingvisticheskie aspekty izuchenija sovremenogo russkogo jazyka [Sociolinguistic Aspects of Study of the Modern Russian Language]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 186 p.

Mustajoki A. Raznovidnosti russkogo jazyka: analiz i klassifikacija [Varieties of Russian: analysis and classification]. Voprosy jazykoznanija [Problems of Linguistics]. 2013. №5. P. 3–27.

Panov M. V. Iz nabljudenij nad stilem segodnjashnej periodiki [Observations on the Style of Modern Periodicals]. Jazyk sovremennoj publicistiki [Language of Modern Journalism]. Ed. by M. V. Shul'ga; Goskomizdat USSR Publ. Moscow, 1988. P. 4–27.

Polivanov E. D. Statji po obshhemu jazykoznaniju [Articles on general linguistics]. Ed. by A. A. Leontjev. Moscow, Nauka Publ., 1968. 376 p.

Russkij jazyk konca 20 stoletija (1985–1995) [The Russian Language of the late 20th century]. Moscow, Jazyki russkoj kul'tury Publ., 1996. 480 p.

Skvorcov L. I. Chto ugrozhaet literaturnomu jazyku? (razmyshlenija o sostojanii sovremennoj rechi) [What threatens the literary language? (reflections on modern speech)]. Russkij jazyk v shkole [The Russian Language at School]. 1994. No 5. P. 99–105.

Vinokur T. G. Rechevoj portret sovremenogo cheloveka [Speech Portrait of a Modern Man]. Chelovek v sisteme nauk [Man in the Systems of Sciences]. Ed. by I. T. Frolov. Moscow, Nauka Publ., 1989. P. 361–369.

Zjeldin T. Vse o francuzakh [All about the French]. Trans. by S. G. Lomidze. Moscow, Progress Publ., 1989. 440 p.

EXTRALINGUISTIC FACTORS OF COLLOQUIAL LANGUAGE
ARGOTIZATION / JARGONIZATION: STRUCTURE AND DYNAMICS

Natalya V. Khorosheva

Associate Professor, Head of the Department of Romance Philology
Perm State University

The article provides the results of study of extralinguistic factors that are relevant to the formation of transitional sub-idioms in Russian and French substandard as a product of argotization (jargonization) of modern colloquial speech. These are language subsystems that are established through interaction of various argot and jargon words with urban *common argot* in French and *common jargon* in Russian. The combination of extralinguistic factors is perceived as a structure consisting of three levels – from general to specific. Their dynamics is studied in the sociolinguistic context of contemporary history, from the second half of the XXth century to the beginning of the XXIst century. The upper level is represented by the most common social trends that determine linguistic situation in France and Russia within the period: lifestyle urbanization, establishment of relatively homogeneous social norms and stereotypes, pop culture and mass media impacts, etc. Socio-demographic, socio-economic, as well as social-psychological factors are taken into account. The author argues that active expansion of jargon/argot vocabulary beyond micro-communities tends to «peak» during the periods of highest susceptibility of social mind towards innovative changes, strengthening of anti-authoritarian trends in the society and self-expression needs. Furthermore, the study considers the factors relevant to the intensification of intralingual functional shifts – change in public attitudes towards literary norm, reorientation of linguistic consciousness to new evaluation guidelines. Finally, the peculiarities of transitional sub-idioms in Russian and French are considered: flexibility of French norm of informal communication has greater amplitude than the corresponding norm in Russian, which is less tolerant to obscenities. The author concludes that differential features relevant to the extralinguistic factors in question are gradual: being generally similar they have specificity to occur in different language situations in France and Russia.

Key words: sociolinguistics; substandard; extralinguistic factors; linguistic situation; common argot; common jargon.